

Василий Воронин

<https://orcid.org/0000-0002-6317-1259>

Instytut Historii im. Tadeusza Manteuffla PAN

Война Великого княжества Литовского с Тверским княжеством 1448–1449 гг.¹

Zarys treści

Wojna między Wielkim Księstwem Litewskim a Księstwem Twerskim 1448–1449 wybuchła w trudnej sytuacji, która powstała w Europie Wschodniej w latach 40. XV wieku. Powodem jej rozpoczęcia było nielegalne zajęcie przez księcia bielskiego Iwana Władimirowicza miasta Rzewy, które krótko przedtem Moskwa oddała Twerowi. Wielki książę twerski Borys Aleksandrowicz próbował je odzyskać. W zaistniałej sytuacji król polski i wielki książę litewski Kazimierz Jagiellończyk został zmuszony do interwencji, popierając Iwana Bielskiego. Konflikt zbrojny był krótkotrwały, ale znacząco wpłynął na stosunki między Wilnem, Twerem a Moskwą. Skutki wojny znalazły swoje odzwierciedlenie w traktatach pokojowych: litewsko-twerskim i moskiewsko-litewskim z 1449 r., na które również zwrócono uwagę w artykule.

Abstract

The war between the Grand Duchy of Lithuania and Principality of Tver 1448–1449 broke out in the difficult situation that developed in the Eastern Europe in the 1440s. The reason for its beginning was the illegal capture of the city of Rzheva, which Moscow had shortly before given to Tver, by Ivan Vladimirovich, prince of Belsk. Grand Duke of Tver Boris Alexandrovich tried to return the city. In the situation the King of Poland and the Grand Duke of Lithuania Casimir Jagiellon had to intervene, supporting Ivan Belsky. The military conflict was fleeting, but it significantly affected the relationship between Wilno, Tver and Moscow. The results of the war were reflected in the Lithuanian-Tverian and Muscovian-Lithuanian peace treaties of 1449, which are also given attention in the article.

Изложение содержания

Война между Великим княжеством Литовским и Тверским княжеством 1448–1449 гг. вспыхнула в сложной обстановке, которая сложилась в Восточной Европе в 40-х гг. XV в. Поводом к ее началу стал незаконный захват бельским князем Иваном Владимировичем города Ржевы, который незадолго до этого Москва передала Твери. Великий князь тверской Борис Александрович попытался вернуть город. Тогда в ситуацию был вынужден вмешаться король польский и великий князь литовский Казимир Ягеллончик, который поддержал

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Lietuva–Baltarusija. Dialogas apie praeitį».

Ивана Бельского. Военный конфликт был скоротечным, однако он заметно повлиял на взаимоотношения между Вильно, Тверью и Москвой. Результаты войны нашли свое отражение в литовско-тверском и московско-литовском мирных договорах 1449 г., которым также уделено внимание в статье.

Słowa kluczowe: Wielkie Księstwo Litewskie, Księstwo Twerskie, konflikt zbrojny, Rzewa, traktat pokojowy 1449 roku, czynnik moskiewski

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Principality of Tver, military conflict, Rzheva, peace treaty of 1449, Muscovian factor

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Тверское княжество, военный конфликт, Ржева, мирный договор 1449 года, московский фактор

Военное столкновение, которое произошло между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Тверским, было одним из тех многочисленных драматических событий, которыми была насыщена история стран этой части Европы в 40-е гг. XV в. Тем не менее, до сих пор этот конфликт практически не привлекал внимания историков, в литературе можно встретить лишь небольшие замечания о нем². Такое положение дел во многом объясняется состоянием источников. Сохранилось всего несколько текстов, в которых изучаемое событие нашло свое прямое отображение. Из тверских памятников это панегирик князю Борису Александровичу – «Слово похвальное» инока Фомы и местные исторические нарративы – Рогожский летописец и Тверская летопись. В другую группу входят источники польского происхождения. К ним относятся письмо Збигнева Олесницкого к Миколаю Лясоцкому и хроника Яна Длугоша. Сведения, которые можно почерпнуть из них, позволяют нарисовать лишь фрагментарную картину войны. С одной стороны, ряд ее событий описан там в деталях, а с другой, некоторые важнейшие аспекты – как, например, ход боевых действий в конце 1448 – начале 1449 гг. – остаются практически неизвестными.

Но, конечно, существуют и другие причины того, что избранный сюжет до последнего времени не вызывал интереса исследователей. Например, в литературе довольно слабо разработана сама проблема взаимоотношений двух великих княжеств: Литовского и Тверского. К тому же, издавна сложившееся видение этой проблемы страдает определенным схематизмом. Самые разные авторы были склонны рассматривать их как традиционно мирные и даже союзнические – как правило, связывая это с антимосковскими настроениями как Вильно, так и Твери. С другой стороны, думается, стоит обратить внимание на мнение Э. Ключа, согласно которому литовская

² См.: Z. Skopińska, *Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440–1453*, „Ateneum Wileńskie” 5, вып. 15, 1928, с. 143; L. Korczak, *Polityka wschodnia Kazimierza Jagiellończyka w latach 1440–1449*, „Analecta Cracoviensia” 19, 1987, с. 289–290.

экспансия была для Твери такой же опасной, как и московская³. Сюжет, положенный в основу настоящей статьи, также говорит о том, что ситуация не укладывается в какие-то простые схемы. В действительности взаимоотношения между упомянутыми странами с течением времени сильно менялись. Динамичной была обстановка и во всем этом регионе, где сложно найти как традиционных союзников, так и постоянных врагов.

К середине XV в. Литовское и Тверское великие княжества имели уже достаточно продолжительную историю взаимоотношений. Еще в XIII в. литовцы начали совершать военные рейды на тверские владения – как и на другие русские земли. Но в первой половине XIV в. отношения между сторонами постепенно приобрели другую направленность: мирную, а иногда и союзническую. После поражения антиордынского восстания, которое вспыхнуло в Твери в 1327 г., местный князь Александр Михайлович какое-то время укрывался во владениях Гедимина. В дальнейшем с Великим княжеством Литовским оказались тесно связаны потомки Александра. Его дочь Ульяна стала второй женой Ольгерда, знаменитые походы которого на Москву стали прямым результатом настойчивых просьб тверского князя Михаила Александровича, брата Ульяны. Правда, тесные связи, установившиеся в этот период между Вильно и Тверью, совершенно не исключали острых конфликтов между ними. Так, например, зимой 1361/1362 года литовцы «имали» тверские волости⁴. В ходе военно-политического противостояния, которое раскололо Великое княжество Литовское в 30-х гг. XV в., тверичи довольно активно поддерживали Свидригайло, но он проиграл свою войну. Отметим также, что двусторонние договоры отмечают торговые поездки купцов по всей территории соседнего государства как обычную и давно устоявшуюся практику. Великие князья твердо обещали им «путь чист, без рубежа и без пакости». Для обеих сторон торговля была очень важным источником дохода.

Перед тем, как приступить к рассмотрению событий войны, о которой пойдет основной разговор, кратко остановимся на контексте и предыстории этого конфликта. В феврале 1446 г. несколько князей, во главе которых стоял Дмитрий Шемяка, совершили государственный переворот, в ходе которого был отстранен от власти и ослеплен великий князь московский Василий II (1425–1462). Осенью того же года Василий был отправлен в Вологду, которую ему выделил Дмитрий, объявивший себя новым великим князем. Однако московские бояре не пожелали служить самопровозглашенному государю, в связи с чем начался их массовый отъезд в Тверь к местному великому

³ Э. Клюг, *Княжество Тверское (1247–1485 гг.)*, Тверь 1994, с. 233.

⁴ *Полное собрание русских летописей* (далее: ПСРЛ), т. 15, изд. 2, вып. 1 *Рогожский летописец*, изд. Н.П. Лихачев, Петроград 1922, стб. 72.

князю Борису Александровичу. Слепленный Василий также не смирился со своей участью. В скором времени он бросил Вологду и «прибежал» туда же. Хотя Борис находился в непростой ситуации, он все же милостиво принял московских перебежчиков и всячески помогал им. Когда Василий и его сторонники двинулись на отвоевание Москвы, Борис оказал им решительную поддержку, отправив с ними свою тверскую «силу»: людей и пушки. Когда Василий достиг своей цели, он в знак благодарности отдал Борису Ржеву⁵ (современный Ржев, город в Тверской области Российской Федерации).

Борис Александрович Тверской (1425–1461) был одним из самых значительных русских князей той эпохи. Он уверенно чувствовал себя в своем великом княжестве и, кроме того, проводил активную внешнюю политику. Она имела широкие горизонты и отнюдь не ограничивалась каким-то одним направлением. Достаточно вспомнить, например, о посольстве, которое отправил в Тверь могущественный правитель центральноазиатского государства Тимуридов Шахрух (1409–1447)⁶. Представители князя принимали участие в работе Ферраро-Флорентийского церковного собора. Однако, конечно, важнейшие интересы Бориса были сосредоточены на Руси. Так, известна его наступательная позиция в отношении Великого Новгорода. В 1444–1445 гг. он совершил целых три похода на новгородские земли, разорив десятки волостей и захватив Торжок⁷. Стычки Бориса Александровича с новгородцами продолжались и в дальнейшем. В качестве причины источники называют конфискацию или арест какого-то имущества тверичей: «пороуб тферской»⁸. По всей видимости, именно такие имущественные конфликты имел в виду ливонский магистр, когда в письме от 25 ноября 1449 г. сообщал в Пруссию о том, что жители Великого Новгорода «время от времени терпят большой ущерб от господина Твери»⁹. Военные походы и другие силовые акции Бориса Александровича в отношении новгородцев ясно говорят о том, что он был вполне способен к решительным действиям.

Борис Тверской поддерживал тесные связи с Великим княжеством Литовским. В 1427 г. он заключил договор с Витовтом, в котором выступал как младший партнер, а фактически – вассал могущественного великого князя

⁵ ПСРЛ, т. 15 *Тверская летопись*, изд. А.Ф. Бычков, Санкт-Петербург 1863, стб. 493.

⁶ Н.П. Лихачев, *Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче* (далее: *Инока Фомы слово похвальное*), Санкт-Петербург 1908, с. XXXV–XXXVI, 37–38.

⁷ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, изд. А.Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950, с. 424, 425, 426; В.С. Борзаковский, *История Тверского княжества*, Санкт-Петербург 1876, с. 195.

⁸ *Инока Фомы слово похвальное*, с. 51.

⁹ *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten* (далее: LECUB), т. 10, изд. P. Schwartz, Riga–Moskau 1896, с. 499.

литовского¹⁰. Однако, согласно утвердившемуся в историографии мнению, этот договор очень усилил позиции Бориса в Тверском великом княжестве, позволил ему подорвать здесь влияние удельных князей и присвоить себе ранг самодержца¹¹. И вообще, как правитель Борис Александрович вел себя твердо, «самодержавно», последовательно проводя курс на подчинение удельных князей и обеспечение независимости Твери¹². Он присутствовал на Луцком съезде монархов в 1429 г. и на безрезультатном коронационном съезде Витовта в 1430 г.¹³ Эти факты дают основания утверждать, что Борис Тверской был довольно тесно связан с Великим княжеством Литовским и по крайней мере дважды бывал там. По всей видимости, именно после этих поездок он, впечатленный замком в Троках (Тракае), велел построить на острове одного из озер в Тверской земле «город», который также назвал Троками¹⁴. Но и после смерти всесильного Витовта Борис Тверской считал крайне важным для себя поддерживать хорошие отношения с Великим княжеством Литовским. Это ясно видно на примере правления преемников Витовта. Великий князь Свидригайло, который был женат на тверской княжне, получал помощь от Бориса даже после того, как был свергнут с трона в 1432 г. Но когда поражение Свидригайло в разразившейся войне за высшую власть стало очевидным, Борис заключил мирный договор с его более удачливым соперником – Сигизмундом Кейстутовичем¹⁵.

А.В. Чернышов видит особенность внешней политики Твери в том, что местные князья не стремились расширять границы своих владений¹⁶. Как представляется, он несколько идеализирует ситуацию: при случае они делали это. Однако, похоже, присоединение новых земель действительно не было для них самоцелью, и они не старались всеми силами удержать свои территориальные приобретения. Этим политика тверских князей принципиально

¹⁰ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (далее: ДДГ), изд. Л.В. Черепнин, Москва–Ленинград 1950, с. 62–63; *Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика* (далее: ЛМ), кн. 5, изд. Е. Banionis, Vilnius 1993, с. 257–258.

¹¹ См., напр.: А.Е. Пресняков, *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий*, Петроград 1918, с. 220; Э. Ключ, *op.cit.*, с. 286.

¹² *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.*, ч. 2, ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто, Москва 1953, с. 265–266, 268.

¹³ I. Dlugossius, *Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, кн. 11: 1413–1430, Varsaviae 2000, с. 285, 292; *ПСРЛ*, т. 26 *Вологодско-пермская летопись*, изд. В.И. Буганов, Т.Н. Протасьева и М.Н. Тихомиров, Москва–Ленинград 1959, с. 186; *ПСРЛ*, т. 33 *Холмогорская летопись*, изд. Ю.А. Лимонов, Я.С. Лурье и З.Н. Савельева, Ленинград 1977, с. 109.

¹⁴ *Инок Фомы слово похвальное*, с. 55.

¹⁵ ДДГ, с. 106; С.В. Полехов, *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века*, Москва 2015, с. 454; Л.В. Черепнин, *Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках*, Москва 1960, с. 770.

¹⁶ А.В. Чернышов, *Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв.*, Тверь 1996, с. 130–139.

и отличалась от политики их московских соседей. Возможно, именно в этом и состояла главная ошибка Твери, которая в результате проиграла Москве. И здесь хорошим примером может служить упомянутая выше Ржева.

Ржевская земля или, как ее часто называют источники, «Ржева с волостями» располагалась в верховьях Волги¹⁷. Она охватывала заметную территорию и занимала достаточно важное в стратегическом плане положение на стыке смоленских, тверских и новгородских владений. На самом раннем этапе своей истории Ржева принадлежала Смоленскому княжеству, однако где-то на рубеже XIII–XIV вв. была им утрачена. В XIV в. город стал объектом борьбы сразу нескольких сил, среди которых наибольшее упорство проявили Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское и Тверское княжество. Соперничество с переменным успехом продолжалось довольно долгое время, но в конце концов Ржева перешла под власть потомков Ивана Калиты. Это произошло между 1376 и 1386 гг. В 1376 г. Владимир Андреевич Серпуховской еще пытался взять Ржеву (неудачно), а в 1386 г. ржевичи уже значатся в составе московского войска, которое ходило на Новгород. Возглавляли же это поход Дмитрий Донской и Владимир Андреевич¹⁸. Однако более точная дата и обстоятельства подчинения Ржевы Москвой остаются неизвестными. По мнению В.Л. Янина, это произошло в период короткого правления великого князя литовского Кейстута (1381–1382)¹⁹. Есть указания на то, что какое-то время в конце XIV в. Ржева принадлежала тверским князьям²⁰. Однако это был, по всей видимости, очень краткий период в истории региона. Согласно докончанию Василия I и Владимира Серпуховского, датированному примерно 1401–1402 гг., Владимир Андреевич, который к тому моменту был хозяином Ржевы, «отступился» ее Василию, а в обмен получил от него Углич²¹. С этого времени Василий I и его потомки постоянно владели городом и его волостями, имели на них полное право и могли свободно ими распоряжаться. Впрочем, иногда они практиковали передачу Ржевы удельным князьям²².

Район, в который входила Ржева, а также городки Осечен и Рясна, занимал особое положение в комплексе московских владений, поскольку был

¹⁷ См.: В.Л. Янин, *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков*, Москва 1998, с. 202–210.

¹⁸ *ПСРЛ*, т. 4, ч. 1, вып. 2 *Новгородская четвертая летопись*, изд. Ф.И. Покровский, Ленинград 1925, с. 345.

¹⁹ В.Л. Янин, указ. соч., с. 54.

²⁰ *ПСРЛ*, т. 4 *О преставлении князя Михаила Тверского*, [изд. Я.И. Беренников], Санкт-Петербург 1848, с. 360; *ПСРЛ*, т. 5 *Софийская первая летопись*, Санкт-Петербург 1851, с. 252.

²¹ *ДДГ*, с. 43, 44.

²² Более подробный обзор истории Ржевской земли в XIV–XV вв., см.: В.Л. Янин, указ. соч., с. 51–54; В.Н. Темушев, *На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в.*, Тула 2016, с. 50–52.

отделен от их главного массива землями Тверского княжества. Ржева была заметной крепостью и находилась у самой тверской границы, в связи с чем вполне понятен интерес к ней со стороны Твери. Кроме того, факт владения Ржевой в прошлом давал тверским князьям дополнительные юридические основания для притязаний на нее. Если верить панегирику тверскому князю Борису Александровичу, обращаясь к ржевичам, он называл их город своей прадединой, которая затем попала в руки великих князей московских, «а нынеча ... нашего ся намъ отступают»²³.

Подарок, который Василий II сделал Борису Тверскому, был до некоторой степени условным. Дело в том, что на тот момент Ржева принадлежала ослепившему его Дмитрию Шемяке²⁴. Вообще же, принимая решение передать Ржеву Борису, великий князь московский исходил, по всей видимости, из нескольких соображений. Во-первых, свою роль сыграл географический фактор – для Москвы город был эксклавом, что делало его утрату не такой чувствительной. Во-вторых, существует большая вероятность того, что Борис Александрович просил у него именно Ржеву, поскольку, с точки зрения географического расположения владений, для Твери она имела, наоборот, немалую ценность. Но, вместе с тем, Василий II действовал с явным умыслом рассорить прежнего и нового владельцев города. Несколько забегая вперед, отметим, что ему это удалось: в 1449 г., уже находясь в Новгороде, Дмитрий Шемяка напал на тверские окраины²⁵. Что же касается ситуации начала 1447 г., то ржевичи, вопреки решению Василия, не пожелали подчиниться Борису. Ему пришлось брать город силой и даже использовать для этого артиллерию. В результате, после тяжелой трехнедельной осады Ржева сдалась. Это произошло 18 февраля 1447 г.²⁶ Борис Александрович направил туда двух своих наместников: Василия Константиновича и Льва Измайлова.

В своем «Слове похвальном» панегирист Бориса Тверского инок Фома сообщает, что во время осады Ржевы в ставку князя, которая находилась в Опоках, прибыл посол от великого князя литовского Казимира «именем Давъкши». Он доставил ему богатые дары: золото, дорогие ткани, лошадей, оружие, в том числе мечи, которые, как выясняется, использовались в обряде

²³ Инока Фомы слово похвальное, с. 47.

²⁴ А.А. Зимин, *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.*, Москва 1991, с. 118.

²⁵ Инока Фомы слово похвальное, с. 34. Обратим внимание также на тот факт, что тверские пределы названы в этом произведении «землей многонародной».

²⁶ *Тверская летопись*, стб. 493; Инок Фома в своем панегирике сообщает о том, что ржевичи сдались в субботу, а Борис Александрович вступил в город на следующий день – в воскресенье. Таким образом, летописное сообщение о сдаче Ржевы «о великом заговении» (воскресенье, 19 февраля) указывает на день, когда Борис Александрович въехал в завоеванный город. Что же касается даты захвата тверичами Ржевы, то информации «Слова похвального», как представляется, вполне можно доверять. Итак, это событие произошло 18 февраля, в субботу.

воздаяния «чести». К сожалению, мы не знаем, существовала ли какая-то связь между этим посольством и осадой Ржевы тверичами, либо это было простое совпадение. Источник ничего не говорит нам о целях этого визита. Не все ясно с личностью посла Казимира, поскольку в это время в Великом княжестве Литовском действовало по крайней мере два боярина с именем Довкша²⁷. Однако, вероятнее всего, это был Довкша Кимонтович – довольно известный в стране человек, который провел на службе у великих князей литовских практически всю жизнь²⁸.

В.Л. Янин, ссылаясь на перемирную грамоту Дмитрия Юрьевича Шемяки и Ивана Андреевича Можайского с Михаилом Андреевичем Верейским и Василием Ярославичем Серпуховским и Боровским, утверждал, что в 1447 г. Василий II вернул себе Ржеву²⁹. В этом акте, который датирован 19 июня 1447 г., действительно говорится о том, что Дмитрий Шемяка получил от Василия II, наряду с другими владениями, и «Ржеву с волостями»³⁰. Но там явно описана не текущая, а значительно более ранняя ситуация, на что ясно указывают и контекст, и выражение: «даль был». Мы даже можем назвать соглашение, о котором говорил Дмитрий Шемяка. Оно было заключено в 1434 г., а затем подтверждено в 1436 г. и 1441 или 1442 гг., и его условия полностью соответствуют тому, что этот князь заявлял в грамоте 1447 г. о получении Ржевы³¹. Кроме того, изложенные ниже события совершенно исключают факт возвращения этого города Москве в 1447 г.

Присоединение Ржевы было, безусловно, очень значительным внешнеполитическим успехом Бориса Тверского. О приобретении Ржевы как о крупном достижении правления Бориса Александровича в самых выпяченных

²⁷ W. Semkowicz, *O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413*, „Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica” 3, 1989, с. 107–108.

²⁸ Р. Пятраўскас, *Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада*, изд. 2, Смаленск 2014, с. 248. Тот факт, что Довкша ездил в качестве посла Казимира к Борису Тверскому в 1447 г., существенно уточняет и дополняет его биографию, поскольку на сегодняшний день принято считать, что последнее надежное упоминание о нем относится к 1432 г. Добавим, что Довкша (Довкъши, Даукшись) фигурирует еще в документах 1450–1451 гг. (*LM*, кн. 3, изд. L. Anužytė и A. Baliulis, Vilnius 1998, с. 41, 42; *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej* (далее: KDKDW), т. 1, изд. J. Fijałek и W. Semkowicz, Kraków 1948, с. 232, 751).

²⁹ В.Л. Янин, указ. соч., с. 207.

³⁰ *ДДГ*, № 46, с. 141. Составители издания отнесли данную грамоту к началу июля 1447 г. Однако в ней содержится вполне ясное указание на точную дату ее издания: «оуговев Петрова говенья неделю». В 1447 г. «Петрово говенье» – первый день Петрова поста – пришлось на 12 июня. Грамота была издана спустя неделю, то есть 19 июня 1447 г. Отметим, что она датируется тем же днем, что и очень близкие по содержанию грамоты № 44 (с. 126–128) и № 45 (с. 129–140) из приведенного выше издания княжеских духовных и договорных грамот.

³¹ *ДДГ*, с. 87, 90, 93, 95–96, 98, 108, 110, 113, 115.

выражениях писал и инок Фома, который в своем произведении отвел очень много места этому сюжету³². Однако уже совсем скоро Твери пришлось отстаивать это свое важное завоевание. Дело в том, что в борьбу за Ржеву совершенно неожиданно вступила еще одна сила.

Примерно через год после завоевания Борис Александрович с женой направился осматривать Ржеву – скорее всего, после проведения там каких-то фортификационных работ. Однако внезапно в этом районе появился некий «ляхъ Станиславъ», который опередил князя и буквально у него под носом захватил город. Там он взял в плен много тверичей, в том числе княжеских наместников. Борис Александрович спасся бегством в Опоки – тверской городок, расположенный неподалеку на берегу Волги³³. Летописец описал эти события под 6955 годом и сообщил, что захват Ржевы произошел «въ неделю, до обеда, въ заговение мясное»³⁴. Э. Клюг выяснил и точную дату: 4 февраля 1448 г.³⁵ «Слово похвальное Борису Тверскому» представляет собственную версию событий, которая существенно отличается от летописной: «прииде литва некто воеводка именем Ярославко князя Ивана Белскаго и заседе Ржевою крамолою»³⁶. Как видно, источники по-разному называют имя воеводы. Кроме того, «Слово похвальное» сообщает о каком-то заговоре или измене ржевичей. Наконец, очень важным представляется тот факт, что «воеводка», взявший Ржеву, находился на службе у Ивана Бельского. Борис Александрович по горячим следам попытался вернуть Ржеву, но действия его воевод были безуспешными³⁷.

Итак, есть вполне ясные указания источников на то, что начало войне было положено в январе – феврале 1448 г. действиями князя Ивана Бельского. Его владение – Бельское княжество располагалось на севере Смоленской земли, Ржева лежала совсем рядом с его границами. Предприимчивый князь, очевидно, решил воспользоваться ситуацией, когда город переходил от Москвы к Твери, а общая обстановка в Северо-Восточной Руси была неопределенной, и присоединить его к своим землям. Конечно же, Бельский не имел

³² Инока Фомы слово похвальное, с. 47–51.

³³ «Въ лето 6911. Князь великий Иванъ Михайловичъ Тверскый постави городъ Опоки на Волзе близъ Ржевы, а на городку постави церковь камену святаго Николы» (*Тверская летопись*, стб. 470).

³⁴ *Тверская летопись*, стб. 494.

³⁵ Э. Клюг, указ. соч., с. 306, 342. В добавление можно заметить, что 6955 год у тверского летописца является мартовским – так же, как и 6953-й и 6954-й. Однако, 6956 г. у него уже сентябрьский. Инок Фома в своем «Слове похвальном» излагает эти события, которые развернулись вокруг Ржевы, под 6956 г. Следовательно, он также сентябрьский. Похоже, что в Твери переход от мартовского стиля к сентябрьскому произошел в 6956 (1447/1448) г. По крайней мере, в летописи это выглядит определенно так.

³⁶ Инока Фомы слово похвальное, с. 52.

³⁷ Там же.

никаких прав на Ржеву, но, с точки зрения расширения своего удела, она представляла для него немалый интерес. Однако похоже, что этот переход не вызвал никакого энтузиазма у местных жителей.

Иван Владимирович Бельский был внуком Ольгерда и двоюродным братом Казимира Ягеллончика (великий князь литовский в 1440–1492, с 1447 г. одновременно король польский). В годы правления Казимира в Великом княжестве Литовском, когда он был лишь подростком и несамостоятельной фигурой, несколько его двоюродных братьев играли важнейшую роль в государстве. Не будет преувеличением сказать, что они входили в узкий круг его правителей. Эти «братья» наряду с Казимиром упоминаются, например, в мирном договоре с Псковом от 30 декабря 1440 г. Иван Бельский, бесспорно, принадлежал к их числу. Не вызывает сомнений также то, что Бельский и в дальнейшем поддерживал хорошие отношения со своим венценосным кузеном. Например, именно его Казимир отправил на княжение в Великий Новгород в 1444 г.³⁸ Несмотря на то, что его пребывание там было недолгим, оно пришлось как раз на то время, когда Борис Тверской присылал своих воевод на новгородские владения: Бежецкий Верх, Заборовье и новоторжские волости. Упомянем и еще один факт, характеризующий взаимоотношения Казимира с семьей Бельских. 30 июня 1448 г. дочь Ивана Владимировича Анна вышла замуж за одного из силезских князей – Болеслава II Цешинского³⁹. Есть все основания считать, что в устройстве этого брака самое непосредственное участие принял Казимир Ягеллончик, который приходился невесте двоюродным дядей по мужской линии и двоюродным братом по женской. Король дал за Анной две тысячи флоринов приданого из средств Короны⁴⁰. Дело было не только в том, что лично Казимир продвигал этот брак. Свою роль сыграли и польские государственные интересы – Болеслав II уже тогда питал симпатии к Польше, а в дальнейшем был известен как «дружественнейший» по отношению к ней князь⁴¹. Но эта ситуация все-таки была не совсем обычной. Ее своеобразный характер был обусловлен тем, что цешинские князья были ветвью польской королевской династии Пястов, но еще с 1327 г. находились в ленной зависимости от Чешской короны. Замужество Анны Бельской не оставляет сомнений в том, что Казимир Ягеллончик поддерживал хорошие отношения с ее отцом. Ясно и то, что подготовка брака сопровождалась поездками представителей княжеских семей друг к другу, а также обменом новостями о текущих делах. Во всем этом наверняка принимали участие и люди Казимира. Поэтому нельзя

³⁸ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, с. 423, 424.

³⁹ Об этом браке см.: К. Jasiński, *Rodowód Piastów śląskich*, т. 3: *Piastowie opolscy, cieszyńscy i oświęcimscy*, Wrocław 1977, с. 174–175, 183.

⁴⁰ I. Długossius, *Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, кн. 12: 1445–1461, Cracoviae 2003, с. 66.

⁴¹ Там же, с. 149.

сомневаться в том, что Ягеллончик был хорошо информирован о событиях, которые разворачивались вокруг Ржевы, – тем более, что в 1447–1449 гг. он провел очень много времени в Великом княжестве Литовском⁴².

Мы наверняка смогли бы гораздо лучше понять ситуацию, если бы удалось выяснить личность «воеводки» Ивана Бельского. З. Скопиньская высказывала предположение о том, что «лях Станислав» – это подляшский шляхтич Станислав Мечковский (Stanislaus de Mieczki)⁴³. Однако материалы судебного дела 1571 г., на которых она построила эту свою гипотезу⁴⁴, не дают никаких оснований так считать. Достаточно сказать, что в них нет совершенно никаких указаний на его участие в тверских событиях. Нет их, разумеется, и в других источниках. Идентифицировать этого человека очень проблематично. Источники называют его то Станиславом и при этом ляхом, то Ярославом, который стоит во главе «литвы». При этом имя Станислав было широко распространено в среде как польской, так и литовской знати, а вот Ярославов среди литовцев очень сложно найти.

Вполне возможно, что воевода Станислав действительно был поляком. Вообще, служба представителей польских магнатских и шляхетских родов великим князьям литовским к тому моменту уже имела довольно большую традицию⁴⁵. Следует учитывать также то, что польское военное искусство стояло тогда на высоком уровне, пользовалось большим авторитетом в странах Центральной и Восточной Европы, и Иван Бельский вполне мог воспользоваться услугами одного из польских полководцев. Однако само по себе это совсем не означает, что он получил эту помощь от Казимира как главы польского государства. По наблюдениям исследователей, в первые годы правления позиции Казимира в Короне были слабыми, он не имел там даже оформленной «партии» сторонников⁴⁶. В добавок, у него были напряженные отношения с польским обществом⁴⁷. Соответственно, молодой король не мог рассчитывать на большую поддержку со стороны своих новых поданных – в особенности для осуществления военных акций на востоке, вдалеке от польских границ. Это подтверждается и конкретными

⁴² См.: G. Rutkowska, *Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka. 1440–1492*, Warszawa 2014, с. 70–92.

⁴³ Z. Skopińska, *op. cit.*, с. 143.

⁴⁴ *Wywody szlachectwa w Polsce XIV–XVII w.*, изд. W. Semkowicz, „Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie” 3, 1911–1912, с. 261–262.

⁴⁵ См.: S. Szybkowski, *Rycerscy goście z Polski na dworze wielkiego księcia Witolda – próba portretu grupy*, [В:] *Litwa i jej sąsiedzi w relacjach wzajemnych (XIII–XVI w.)*, Olsztyn–Gdańsk 2014, с. 81–105.

⁴⁶ F. Kiryk, *Jakub z Dębna na tle wewnętrznej i zagranicznej polityki Kazimierza Jagiellończyka*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1967, с. 37–38.

⁴⁷ G. Błaszczuk, *Dzieje stosunków polsko-litewskich*, т. 2, ч. 1: *Od Krewa do Lublina*, Poznań 2007, с. 815.

фактами – например, обстоятельствами похода на Северщину, который Казимир совершил в 1449 г. Эта военная акция была осуществлена для того, чтобы освободить Стародуб, Новгород-Северский и другие города, которые захватил Михаил, сын убитого в 1440 г. великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича, и союзные ему татары. И тогда в войске Ягеллончика абсолютно преобладали литовцы и русины, поляков же там было совсем немного⁴⁸.

Итак, очень похоже на то, что захват Ржевы был частной инициативой Ивана Бельского. Мы не имеем практически никаких указаний на то, что он начал эту войну по поручению или при поддержке Казимира Ягеллончика – великого князя литовского и короля польского. По всей видимости, Казимир даже не знал об этом смелом, но довольно рискованном предприятии своего двоюродного брата. Сомневаться в причастности Казимира к нападению Ивана Бельского на Ржеву заставляет и еще один факт. 5 февраля 1448 г. в Троках (Тракае) князь Федор Львович Воротынский выдал Казимиру крестоцеловальную запись за своего зятя, князя Ивана Андреевича Можайского, внука Дмитрия Донского. В соответствии с этим документом, Казимир обещал посадить Ивана на великом княжении московском, «и ему писаться господарю нашему королю в доконъчалныхъ, во всякихъ грамотахъ братом молодшымъ». В качестве ответной любезности Иван Можайский должен был передать Казимиру и Великому княжеству Литовскому города Ржеву и Медынь⁴⁹. Правда, это условие договора должно было вступить в силу только в том случае, если бы Казимир выполнил свое обещание. Но здесь возникает вопрос: если Ягеллончик рассчитывал получить Ржеву в результате дипломатического соглашения, то зачем ему было поручать Бельскому захватывать ее силой?

В литературе неоднократно высказывалось удивление по поводу того, что договор с Казимиром Ягеллончиком заключил не сам Иван Можайский, а его тесть Федор Воротынский. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в сентябре 1447 г. Иван заключил со своим «старшим братом» Василием II соглашение, по которому обещал без его ведома не заключать ни с кем договоров и даже не обмениваться послами. Отдельно можайский князь заверял Василия: «и мне, господине, князь великии, под тобою великого княженья не хотети, ни вступатися»⁵⁰. Интересно, что в апреле 1448 г. Иван Можайский заключил с Василием II новое соглашение, в котором подтвердил условия предыдущего⁵¹. Известный своим коварством и изворотливостью можайский

⁴⁸ I. Dlugossius, op. cit., кн. 12, с. 76.

⁴⁹ ДДГ, с. 149–150.

⁵⁰ Там же, с. 146, 147. В оригинале грамоты допущена ошибка, написано: «не вступатипатися». Случайно ли?

⁵¹ Там же, с. 150–155.

князь – кстати, одна из главных фигур заговора против Василия II в 1446 г. – и здесь в полной мере проявил эти свои черты. Сам он все-таки опасался предпринимать шаги, которые так явно противоречили бы только что заключенному с Василием договору, поэтому препоручил это дело своему тестю. Таким образом, ни один, ни второй князь формально ничего не нарушали. А благодаря соглашению с Казимиром оба они что-то выгадали – либо в действительности, либо в виде обещаний. Воротынский получил от Казимира в управление город Козельск – по всей вероятности, именно за то, что сумел успешно выполнить деликатное поручение зятя⁵². Что же касается Можайского, то он за весьма умеренную и к тому же условную плату в виде двух небольших городков обрел надежду получить вожденное великое княжение московское. Правда, нужно отметить, что у него практически не было шансов добиться этой своей цели. Очевидно, что это понимали и он сам, и его потенциальный «старший брат» Казимир Ягеллончик. Во всяком случае, последний не предпринял никаких практических шагов для того, чтобы выполнить свое обещание и как-то посодействовать внуку Дмитрия Донского в реализации его непомерно амбициозных планов.

Вряд ли можно ставить под сомнение тот факт, что в войске Ивана Бельского были поляки, в том числе на уровне командования. Но они служили у него, скорее всего, в частном порядке. Крайне сомнительно, что их направил на восток Казимир. И, в любом случае, упомянутый в источниках «воеводка» Станислав (Ярослав?) не принадлежал к первым лицам Польского королевства. Так, например, из сорока трех человек, которые, по выкладкам В. Фалковского, входили в 1447–1454 гг. в элиту власти Короны Польской, только один носил имя Станислав, а Ярославов там вообще не было⁵³. Но биографические данные о мендзыжецком каштеляне Станиславе Остророге свидетельствуют о том, что в 1447–1449 гг. он находился в Польше и был сильно вовлечен в ее политическую жизнь, которая в тот период была весьма насыщенной и непростой. Он часто сопровождал Казимира в поездках по разным областям страны, а в июле 1448 г. стал генеральным старостой Великой Польши⁵⁴.

Вообще, следует заметить, что служба знати за границей – тамошним государям и крупным феодалам – не была в то время такой уж редкостью. Такие случаи известны и в странах Восточной Европы. Например, в 1445–1447 гг., то есть буквально в то же время, о котором здесь идет речь, великому князю московскому Василию II служил и на этой службе погиб «литвин,

⁵² Там же, с. 149.

⁵³ W. Fałkowski, *Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiellończyka (1447–1492)*, Warszawa 1992, с. 52–53.

⁵⁴ A. Gąsiorowski, *Ostroróg Stanisław*, [в:] PSB, т. 24/3, Wrocław etc. 1979, с. 524.

храбрый человек, Юшко Драница»⁵⁵. Еще в первой половине 40-х гг. он был довольно заметной фигурой на родине. В частности, он несколько раз упомянут в Книге данин Казимира как получатель земельных пожалований, в том числе с почетным званием «пан»⁵⁶. В 1445 г. вместе с ним на московской службе находился еще один выходец из Великого княжества Литовского – князь Федор Довголдович⁵⁷.

Впрочем, все же нельзя исключать того, что войском, захватившем Ржеву, командовал литовец. Судя по разночтениям в источниках, в том числе приведенных выше, в то время в Твери и Северо-Восточной Руси вообще не слишком хорошо различали «литвинов» и «ляхов». Это вполне объяснимо тем, что они исповедали одну веру, и определение «лях» могло обозначать и в ряде случаев действительно обозначало просто католика. Иллюстрацией этому может служить, например, высказывание автора Симеоновской летописи, в которой под 1409 г. читаем: «Светригаиль же, ляхъ гордыи...»⁵⁸. Из ряда представителей литовской военно-политической элиты, которые могли руководить походом, вполне подходящей выглядит фигура Станислава (Станко) Остиковича. Правда, мы знаем об этом человеке не так много, но упоминания о нем в документах 1447 и 1451 гг. указывают на то, что он активно действовал именно в этот период⁵⁹.

Несмотря на то, что Ржева оказалась в руках Ивана Бельского в результате его крайне сомнительных действий, Казимир все же решил поддержать его. Либо он таким образом отреагировал на просьбу родственника, либо сам проявил инициативу – понимая, что Борис Тверской попытается вернуть свое законное приобретение. В конце концов, как сеньор, он должен был защищать своего вассала и помогать ему. Ян Длугош сообщает о том, что в конце лета 1448 г. Казимир приехал из Польши в Великое княжество Литовское. 8 сентября он прибыл в Новогрудок, куда на съезд с ним собрались «прелаты и бароны» из всей страны. В течение долгого времени в Новогрудке, Гродно и других местах они вели тайные переговоры. Видимо, одним из предметов, которые там обсуждались, была ситуация, которая сложилась на восточных границах государства. Во всяком случае, в скором времени Казимир

⁵⁵ ПСРЛ, т. 18 *Симеоновская летопись*, изд. А.Е. Пресняков, Санкт-Петербург 1913, с. 193, 200, 203; ПСРЛ, т. 27 *Никаноровская летопись*, изд. С.М. Каштанов и Н.Н. Улащик, Москва–Ленинград 1962, с. 109, 112, 114.

⁵⁶ *ЛМ*, кн. 3, с. 29, 53, 54.

⁵⁷ Кстати, похоже, что это единственное упоминание о Федоре Довголдовиче в источниках. Он совсем неизвестен исследователям княжеской генеалогии, в том числе автору самого авторитетного и полного труда в этой области Ю. Вольфу. А вот его брат Глеб неоднократно фигурирует в документах Великого княжества Литовского (J. Wolff, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, с. 55).

⁵⁸ *Симеоновская летопись*, с. 157.

⁵⁹ W. Semkowicz, op. cit., с. 62.

«направил ... войско Литовской и Жемайтской земель против великого князя тверского, люди которого взяли в осаду какой-то замок, который был добыт для короля, желая вернуть его» (*Misit tamen exercitum terrarum Lithuanie et Samagitie contra ducem magnum Twerensem, cuius gentes quoddam castrum, quod fuit pro rege conquisitum, volentes illud reaquirere, vallaverunt*)⁶⁰.

Ясно, что здесь идет речь о Ржеве. Вместе с тем, данное краткое сообщение вызывает немало вопросов и сомнений. Похоже, что Длугош не слишком хорошо знал контекст и детали этих событий. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он даже не упомянул названия замка – похоже, просто не знал его. Он также ничего не говорит о результатах этого похода. Соответственно, есть основания сомневаться в точности его слов о том, что «замок» был добыт для короля.

Очень важно также то, что цитированный фрагмент не является собственной информацией Яна Длугоша. Хронист получил ее от своего патрона, краковского епископа Збигнева Олесницкого – или непосредственно, или ознакомившись с его перепиской. Известно письмо Олесницкого в Рим к декану краковского капитула Миколаю Лясоцкому, в котором адресант изложил эти события в том же ключе, но подробнее. В добавок, в своем тексте он использовал очень похожие выражения. Авторы критического разбора хроники Я. Длугоша, говоря об упомянутых им тверских сведениях, указали и на послание З. Олесницкого к М. Лясоцкому⁶¹. Однако они не увидели связи между двумя этими источниками – хотя она представляется вполне очевидной.

Из письма З. Олесницкому М. Лясоцкому (октябрь–ноябрь 1448 г.):

«Тверской русский князь захватил у литовцев какой-то свой замок, который был получен им при жизни господина Александра Витовта, великого князя, но поскольку он (замок) был захвачен некими поляками и тверичи отстранены от владения им, упомянутый тверской князь со своими [людьми] взял его в осаду. И тогда, для оказания помощи осажденным вся Литовская и Жемайтская земля взялась за оружие и выступила к таким образом осажденному замку. Они пришли туда походом через долгое время, поскольку должны были преодолеть как минимум двести миль. Король не пошел с ними, а посвятил себя охоте» (*Dux Twerzski Russiae conquisiverat quoddam castrum suum sub Lithuanis, quod in vita domini Alexandri Witholdi ducis magni sibi fuerat oblatum, sed dum per aliquos Polonos fuisset interceptum et Twerzenses ab eius possessione exclusi, vallavit illud dux praefatus Twerzensis cum suis. Ad ferendum igitur sic obsessis auxilium omnis terra Lithuaniae et Samogitiae consurrexit ad arma et processit ad castrum sic obsessum. In longo tempore via illic pervenient, quoniam ad minus ducenta miliaria habent transire. Rex non ivit cum illis, sed vacat venationibus*)⁶².

⁶⁰ I. Długossius, op. cit., кн. 12, с. 71.

⁶¹ *Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445–1480*, т. 2, Wrocław–Warszawa–Kraków 1965, с. 21.

⁶² *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*, т. 1, изд. А. Sokołowski и J. Szujski, Cracoviae 1876, pars posterior, с. 50. Послание не имеет оригинальной хронологической и топологической даты.

Сообщение З. Олесницкого также не отличается большой точностью, оно довольно путаное и явно тенденциозное. Как мы уже знаем, тверской князь (Борис Александрович), конечно же, не получил Ржеву от Витовта, а литовцы не сдавали ее тверичам. По своему обыкновению, краковский епископ не преминул подчеркнуть успехи поляков и неудачи литовцев, а также уязвил Казимира Ягеллончика, которого сильно недолюбливал.

Поход армии Великого княжества Литовского на тверские земли произошёл осенью 1448 г. Именно это время года конкретно называет «Слово похвальное»⁶³. О том же говорят и другие источники. Так, из хроники Длугоша следует, что войска были отправлены после 8 сентября. На осень указывает и письмо З. Олесницкого. По всей видимости, войско двинулось на Ржеву в сентябре – октябре 1448 г. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не детализируют картину боевых действий в районе Ржевы и передают лишь их общий ход.

Здесь стоит подробнее остановиться на еще одном важнейшем источнике, из которого мы черпаем сведения о тех событиях, – «Слове похвальном Борису Тверскому» инока Фомы. Еще его первооткрыватель и первый исследователь Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что этот историко-литературный памятник фактически состоит из нескольких частей или отдельных слов⁶⁴. Его мнение поддержал и уточнил Н.П. Шахматов. Он показал, что панегирик тверскому князю представляет собой шесть объединенных в одно произведение «слов», которые хоть и были написаны одним человеком, но в разное время (между 1446 и 1453 гг.) и по разным случаям⁶⁵. Добавим только, что в памятнике есть запись и за 1445 г.⁶⁶ Как результат, в нем неоднократно встречаются повторы, хронология событий не всегда выдержана. Жанр произведения – панегирик – также наложил свой очень заметный отпечаток как на подбор материала, так и на стиль его подачи. К примеру, автор «Слова» часто прибегает к различным литературно-художественным приемам, в том числе к такому, как драматизация момента.

Публикаторы отнесли его к декабрю, но явно ошиблись. На это указывает, в частности, то, что адресат, Миколай Лясоцкий отправил ответное письмо из Рима 10 декабря (Ibidem). Кроме того, в письме Олесницкого упоминается как недавнее событие, которое произошло 29 сентября. Очевидно, что он отправил свое послание М. Лясоцкому в ноябре или даже, скорее, в октябре 1448 г. На тот момент он уже имел кое-какие сведения о походе – правда, самые общие, которые соответствовали первому его этапу, когда армия Великого княжества Литовского лишь достигла Ржевы. О результате этого похода в письме не сказано ни слова.

⁶³ Инока Фомы слово похвальное, с. 52.

⁶⁴ Там же, с. XXXII.

⁶⁵ А.А. Шахматов, *Отзыв об издании Н.П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче»*, Санкт-Петербург 1909, с. 6–14.

⁶⁶ Инока Фомы слово похвальное, с. 39.

В произведении инок Фомы мы находим два рассказа о походе Казимира (!) на Тверь. Первый из них отнесен к весне 1449 г. Он сообщает о том, что весть о вражеском вторжении пришла в город спустя два или три дня после большого пожара, который произошел в Твери, согласно летописям, 25 марта. Все повествование выглядит крайне драматизированным. В результате бедствия город превратился в пепелище, его жители уже собрались переселяться в другое место и то же самое советуют князю. Отчаянное положение довершает военная угроза со стороны Дмитрия Шемяки из Новгорода и от Казимира, который идет на дом святого Спаса «съ всеми силами, и еще же и многихъ земель с нимъ люди»⁶⁷. Конечно, Борис Александрович с честью вышел из сложного положения. Он собрал всех своих князей и бояр, среди князей – «брата молодшего» Ивана Андреевича, выступил навстречу Казимиру, тем самым смирил его гордыню, принудил отказаться от своего дерзкого плана и вступить с ним в переговоры. Сначала их вели «воеводы» с обеих сторон, причем со стороны Казимира названы «воеводы порубежные», они договорились о прекращении боевых действий, а затем уже сам Борис отправил своих послов к Казимиру. «И король же с великою радостью миръ взя»⁶⁸.

Во второй раз автор «Слова похвального» относит войну, как уже говорилось, к осени 1448 г. Этот его повторный рассказ очень похож на первый. Король «собра воя свои многи» и хочет идти к Твери. Борис Александрович узнал об этом, также собрал многие свои силы, «и еще ж прииде к нему на помощь князь Иван Ондреевич Можайский». Узнав об этом, Казимир вступил с Борисом в переговоры, в результате которых стороны заключили между собой мир, «а Ржевы отстоупися корол(ь) великому князю Борису». В 1449 г. тверской князь снова направил туда своих наместников⁶⁹. И завершаются оба рассказа одним и тем же пассажем: «и разидошася (възвратистася) кыждо (коиждо) во свояси».

Не может быть никаких сомнений в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии, которое произошло осенью 1448 г. Стоит лишь уточнить, что лично Казимир не участвовал в походе и что его войска не собирались идти на Тверь. Перед ними стояла гораздо более узкая задача – оказать помощь защитникам Ржевы и укрепить город, который находился под угрозой захвата. Из рассказов «Слова» видно, что Борис Александрович предпринял активные действия, направленные на защиту тверских земель. Он собрал армию, а также, по утверждению инок Фомы, лично ее возглавил и повел навстречу врагу. Сложно сказать, действительно

⁶⁷ Там же, с. 34.

⁶⁸ Там же, с. 35–36.

⁶⁹ Там же, с. 52.

ли Борис самолично руководил военными действиями – с учетом того, что соответствующая информация о Казимире не подтверждается, а источником этой информации является панегирик, восхваляющий тверского князя и всячески драматизирующий события. Среди прочего, этот жанр может предусматривать и персонификацию противостояния.

К сожалению, мы не знаем, были ли в ходе этой войны какие-то значительные боестолкновения. Вполне возможно, что нет, – по крайней мере, мы не встречаем никаких упоминаний о них. Однако нельзя сомневаться в том, что армия Великого княжества Литовского оказала необходимую помощь Ржеве. С какого-то момента этой кампании полководцы Казимира вынуждены были действовать с оглядкой, поскольку их страна подверглась нападению татар. Уже на исходе осени 1448 г. или в начале зимы они вторглись в южные земли Великого княжества Литовского, сильно их разграбили и вывели много людей в плен. Согласно информации великого магистра Тевтонского ордена, они сделали это по наущению Михаила Сигизмундовича⁷⁰. Еще один – и значительно более крупный поход татары в союзе с Михаилом предприняли в конце зимы 1449 г. Во всяком случае, 9 марта великий магистр Тевтонского ордена уже знал об их новом нападении на Великое княжество Литовское⁷¹. В течение весны – начала лета 1449 г. они захватили Стародуб, Новгород-Северский, Радогощ, Путивль, Брянск и ряд других городов Северной земли⁷². Эти события, по всей видимости, также подтолкнули Казимира к скорейшему заключению мирного договора с Борисом Тверским.

Трактат дошел до нас в единственной копии, которая входит в состав 5-й книги записей Метрики Великого княжества Литовского⁷³. Она представляет собой тверской противень документа. Еще в 1626 г. оригинал грамоты Казимира хранился в московском Посольском приказе⁷⁴. В наличной копии в качестве даты указаны лишь 6957 год и 12 индикт, в оригинальном акте Казимира также был написан 6957 год. Время заключения договора следует ограничить весной – летом 1449 г., что может быть обосновано следующими соображениями. На 31 августа 1449 г. как на верхнюю хронологическую границу указывает 12 индикт, который закончился именно в этот день, а также мирный договор Казимира с Василием II, который был утвержден

⁷⁰ *LECUB*, т. 10, с. 386; I. Daniłowicz, *Skarbiec dyplomatów* (далее: I. Daniłowicz, *Skarbiec*), т. 2, Wilno 1862, с. 191.

⁷¹ *LECUB*, т. 10, с. 415; I. Daniłowicz, *Skarbiec*, т. 2, с. 191.

⁷² *LECUB*, т. 10, с. 462; I. Daniłowicz, *Skarbiec*, т. 2, с. 192; I. Długossius, *op. cit.*, кн. 12, с. 76; L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, т. 1: 1377–1499, Warszawa 1930, с. 259–260; *Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445–1480*, т. 2, с. 24.

⁷³ *LM*, кн. 5, с. 258–259; *ДДГ*, с. 163–164.

⁷⁴ *Опись архива Посольского приказа 1626 года*, ч. 1, изд. В.И. Гальцов, Москва 1977, с. 84.

в тот же день и, кроме того, учитывал условия тверского договора. Как уже было отмечено, есть указания на то, что Вильно и Тверь начали переговоры о мире весной 1449 г. А.А. Горский считает самым вероятным временем оформления их мирного трактата март⁷⁵, хотя более поздний срок выглядит все же правдоподобнее.

Некоторые исследователи полагали, что условия договора 1449 г. аналогичны условиям договора 1427 г. и что он носит ясные черты подчинения Твери Литве⁷⁶. Действительно, оба соглашения содержат ряд положений, которые звучат очень похоже или вовсе одинаково. К ним относятся, в частности, статьи о рассмотрении пограничных споров, общем суде, условиях торговли, взаимной выдаче преступников, должников, невольников и т.д. Однако по своей главной сути договоры все же принципиально отличаются между собой. Докончание 1427 г., по существу, оформляло вассальную зависимость великого князя тверского от великого князя литовского. Витовт предстает в нем именно как сеньор, а не как союзник. Например, Борис берет на себя обязанность выступать против любого неприятеля Витовта, но аналогичного обещания со стороны великого князя литовского нет. Витовт обещает тверскому князю лишь защиту, а это долг именно сеньора.

Что же касается трактата Бориса Тверского с Казимиром Ягеллончиком 1449 г., то его можно охарактеризовать как договор о мире и союзе. По всем признакам, он имел равноправный характер и, в отличие от соглашения 1427 г., уже не носил никаких черт подчинения и зависимости Твери. Союзники излагали основы своих отношений совершенно по-иному, нежели в договоре двадцатидвухлетней давности. На этот раз великий князь литовский – Казимир – вполне определенно обещал Борису Александровичу «пособляти думою и помочью», «стояти заодно противу всех сторонъ, никого не выймуючы, хто бы коли немиренъ был» и даже, если «будеть ему досугъ», лично пойти в такой союзнический поход на общего врага. Аналогичные обещания дал и Борис. Подчеркнем, что при определенных обстоятельствах эти пункты вполне могли привести к их совместным действиям также против Москвы. Одна из статей договора полностью посвящена обстоятельствам и результатам только что завершившейся войны. В ней Борис заявляет, что Казимир, «буда со мною не в любви», отнял у него Ржеву, но Борис простил Казимира за это, а тот «ся Ржовы мне отъступилъ». Стороны декларировали, что границы Ржевы и ее волостей останутся прежними. Очевидным

⁷⁵ А.А. Горский, *От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в.*, Москва 2010, с. 94.

⁷⁶ А.В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.*, т. 2, Санкт-Петербург 1891, с. 510; J. Natanson-Leski, *Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*, ч. 1: *Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej*, Lwów–Warszawa 1922, с. 47.

следствием ржевской войны было и еще одно положение договора. Кроме общей гарантии не посягать на все великое княжение Казимира – его вотчину, Борис Александрович дал ему также обещание, что не будет «вступатисе» во владения «твоео брaтьи, ни в Смолнескъ, ни во все смоленъские места». Здесь довольно ясно читается намек на Ивана Бельского и его удел, расположенный в пределах Смоленской земли, а также на то, что именно действия Бельского привели к конфликту двух великих княжеств.

В тексте договора отмечено, что Борис Тверской простил Казимира за захват Ржевы – соответственно, Ягеллончик, по всей видимости, просил у него за это прощения. Нужно сказать, что подобного рода извинения редко встречаются в международных договорах. Начиная военный конфликт, монарх обязан был позаботиться о том, чтобы этот шаг имел серьезные основания и не выглядел бездумным. И в данном случае извинения Казимира могут служить доказательством того, что не он был инициатором этого столкновения. Фактически он просил прощения не за себя, а за своего вассала – Ивана Бельского.

К сожалению, у нас нет достоверных данных о том, какими последствиями обернулись для бельского князя его авантюрные действия, приведшие к войне. Однако известно, что в апреле 1452 г. он принимал участие в общегосударственном сейме Великого княжества Литовского, который проходил в Вильно. В документах, изданных Казимиром во время его работы, Иван Владимирович значится среди свидетелей на первом месте, опережая всех высших сановников государства⁷⁷. То есть, если он и попал в немилость к господарю, то через три–четыре года, а может быть, и раньше смог восстановить свои позиции. С другой стороны, сам факт опалы остается недоказанным. В те годы Ягеллончик по-прежнему остро нуждался в надежных сторонниках в Великом княжестве, поэтому вполне возможно, что он не стал слишком строго судить одного из них. Во всяком случае, представляется, что в той ситуации для Казимира было вполне разумным решением ограничиться каким-то небольшим взысканием или вообще простить своего кузена.

Война, разразившаяся между Великим княжеством Литовским и Тверским княжеством, представляет интерес и для характеристики их отношений с Великим княжеством Московским. Несмотря на заметное ослабление в ходе династической войны, оно по-прежнему было мощной силой и важнейшим игроком в регионе. Как уже отмечалось в литературе, во 2-й половине 40-х гг. XV в. взаимоотношения Вильно и Москвы были хорошими⁷⁸. В частности, Казимир, как и Борис Тверской, предоставил в 1446 г. убежище сторонникам Василия II. А в конце 1447 г. или в начале 1448 г. московские послы прибыли

⁷⁷ *KDKDW*, т. 1, с. 236.

⁷⁸ L. Kolankowski, *op. cit.*, с. 262–263.

в Вильно, где тогда находился Казимир, поздравили его с восшествием на польский трон и преподнесли подарки⁷⁹. Ржевская война практически не затрагивала интересы Москвы, поэтому Василий Темный не стал в нее вмешиваться, и она никак не повлияла на его отношения с Казимиром. Зимой 1448 г. послы Василия приезжали в Великое княжество Литовское⁸⁰. А весной того же года, «по Велице дни», т.е. после 24 марта, Москву посетил уже посол Казимира – смоленский наместник Семен Гедиголдович⁸¹. А ведь буквально за несколько недель до этого Иван Бельский захватил Ржев. Точный перечень тем переговоров нам неизвестен, но наверняка там обсуждалась текущая военно-политическая обстановка и, возможно, подготовка мирного договора, который и был заключен сторонами в следующем году.

Последствия войны нашли отражение в договоре о «вечном мире», который Василий II и Казимир приняли 31 августа 1449 г. Среди прочего, он упоминает и «Ржеву с волостями». В трактате эти земли названы отчиной Василия, и Казимир обещает в них «не вступатисе». По всей вероятности, уже получив от Казимира Ржев, Борис заключил с Василием II какое-то дополнительное соглашение, по которому она снова перешла к Москве. С этого времени она уже постоянно принадлежала Василию. В духовной грамоте, составленной незадолго до смерти, он отписал Ржев вместе с волостями своему сыну Борису⁸².

Но ржевская проблема, конечно же, была далеко не главной в этом договоре. Несомненно, что он имел очень важное значение для всего региона. Трактат не только установил стабильный мир между подписавшими его сторонами, но и зафиксировал определенную расстановку сил между государствами всей этой части Восточной Европы на несколько десятилетий вперед. Как уже было отмечено, договор Казимира с Борисом Тверским 1449 г. носил формально равноправный характер. Однако мирный договор, заключенный несколько позже между Москвой и Вильно, дополнил такое положение дел некоторыми новыми чертами. Так, например, он предписал тверскому князю быть с Василием II «в любви и въ доконъчаныи» и одновременно определил Тверь «в сторону» великого князя литовского и короля польского. То есть, несмотря на наличие у Тверского княжества собственных отдельных договоров с соседями, эти могущественные соседи уже самостоятельно корректировали их между собой. Во всяком случае, взаимоотношения Твери с Москвой по-разному поданы в двух договорах 1449 г. Если первый из них допускал союз Вильно и Твери против Москвы,

⁷⁹ I. Długossius, op. cit., кн. 12, с. 59.

⁸⁰ F. Koneczny, *Litwa a Moskwa w latach 1449–1492*, Wilno 1929, с. 9.

⁸¹ *Симеоновская летопись*, с. 204; *Вологодско-пермская летопись*, с. 208; *Холмогорская летопись*, с. 109.

⁸² *ДДГ*, с. 195, 196.

то второй – полностью его исключал. То есть, Вильно и Москва пытались решать судьбу Твери сами, через ее голову. Правда, остается вопрос, знал ли об этом и признавал ли такое положение дел великий князь тверской – Борис Александрович?

В договорах, заключенных между Тверью и Москвой в последующие годы, также есть ряд важных положений, которые существенно отличались от аналогичных по тематике статей договоров Твери и Москвы с Вильно, а в некоторых случаях и прямо противоречили им. Так, например, в московско-тверском договоре 1456 г. Василий II и Борис Александрович декларировали: «А быти нам, брате, на татаръ, и на ляхи, и на литву, и на немци заодин, и на всякого нашего недруга»⁸³. Хотя здесь не акцентирована вражда именно с «литвой» и «ляхами», а лишь подчеркнут союз против любого противника, тем не менее, этот пункт договора между московским и тверским государями прямо противоречит приведенному выше пункту договора между Борисом Александровичем и Казимиром Ягеллончиком.

Историография нередко расценивает это как поворот в настроениях Бориса Тверского, который перешел от союза с Великим княжеством Литовским к союзу с Москвой. Х. Ловмянский сформулировал это несколько по-другому: Тверь вышла из-под влияния ВКЛ и перешла в московскую сферу влияния⁸⁴. На самом деле статья о союзе против «литвы» и «ляхов» появилась в договоре Москвы и Твери 1456 г. не впервые. Точно так же, за исключением добавленной ремарки о любом недруге, она звучала в их мирном трактате 1437 г.⁸⁵ Примечательно, что и там тоже упомянуты «ляхи», хотя на тот момент Великое княжество Литовское не состояло с Польшей в личной унии. Тем не менее, очевидно, что и в Москве, и в Твери хорошо знали, что поляки активно действуют на землях Великого княжества Литовского и всего этого региона и что они поддерживают Сигизмунда Кейстутовича. Договор 1437 г. вполне определенным образом закрепил союз Твери и Москвы. А Борис Александрович, ко всему прочему, взял тогда на себя обязанность «целование сложити» к Сигизмунду и, более того, объявить ему, что теперь он с Василием II «один человекъ». Стоит отметить и еще один пункт договора 1437 г.: Василий обещал Борису заключать договор с Великим княжеством Литовским только по согласованию с ним, его братьями или его потомками. В связи с этим, тот факт, что Москва в 1449 г. заключила договор с Вильно буквально через несколько месяцев после утверждения

⁸³ Там же, с. 187, 190.

⁸⁴ H. Łowmiański, *Polityka Jagiellonów*, Poznań 1999, с. 237.

⁸⁵ ДДГ, с. 106. В данном издании договор отнесен к 1439 г. Обоснование новой датировки см.: Г.В. Семенченко, *Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века*, [в:] *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. Сборник статей, Москва 1997, с. 7–13.

договора между великими княжествами Литовским и Тверским, уже не выглядит таким случайным совпадением.

Э. Клюг называет Москву и Литву державами-гегемонами региона и считает, что в договоре 1449 г. они «стремились любой ценой предотвратить запоздавший подъем Твери» и стать равной с ними силой⁸⁶. Но представляется, что к середине XV в. такая возможность для Твери уже была упущена. Складывается впечатление, что договоры Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского были соглашениями более высокого порядка, чем их же договоры с Великим княжеством Тверским. Зафиксированные в этих последних трактатах самостоятельность и равноправие Твери в международных делах были, скорее, только благим пожеланием и иллюзией. Реальный ее статус гораздо лучше прописан в двустороннем договоре, который заключили между собой в 1449 г. Казимир Ягеллончик и Василий II.

Тем не менее, несмотря на все оговоренные выше обстоятельства, соглашение 1449 г. с польско-литовским государем наверняка устраивало великого князя тверского. Наряду с прочими важными шагами навстречу партнеру, Казимир сделал ему важную территориальную уступку – вернул Ржеву. Передача бывшему противнику этих земель была со стороны Казимира щедрым и совершенно необязательным жестом, ведь он не проиграл войну и не потерял в ходе боевых действий никаких территорий. Мы не имеем никаких конкретных указаний на мотивы Казимира, но стоит обратить внимание на тот факт, что в 40-е годы он проводил вполне последовательную мирную политику на Руси. Ярким свидетельством этому служат договоры 1440 г. с Псковом и Великим Новгородом и 1449 г. с Тверью и Москвой⁸⁷. Военные конфликты случались – например, в 1445 г. с Москвой и, как мы видели, в 1448–1449 гг. с Тверью – но они носили кратковременный, локальный характер. Кроме того, Казимира никак нельзя считать их инициатором. В то же время, не стоит делать вывод о том, что Казимир своим договором с Борисом оформил выход Твери из-под зависимости от Великого княжества Литовского, ведь мы не знаем условий договора, который Борис Александрович заключил с предшественником Казимира – Сигизмундом. Вполне возможно, что уже тогда Тверь установила равные отношения со своим западным соседом.

⁸⁶ Э. Клюг, указ. соч., с. 310.

⁸⁷ В литературе высказывались сомнения в том, что договоры, которые Казимир заключил с Псковом и Новгородом, относятся именно к 1440 году. Основанием для этого служит тот факт, что они дошли до нас лишь в копиях, которые могут содержать ошибку в дате. Кстати, эти копии внесены в ту же 5-ю книгу записей Метрики Великого княжества Литовского, что и тверской трактат 1449 г. Однако, по крайней мере, псковский договор дошел до нас также в оригинале, и там значится та же дата, что и в копии Метрики: 30 декабря 1440 г. (AGAD, Zb. dok. perg. sygn. 7363).

Что же касается договора 1456 г., которым был оформлен московско-твердской альянс, то Василий II и Борис позаботились о долговечности и преемственности этого соглашения. В заключительном протоколе они заявили: «А се намъ докончанье, и нашимъ детем, (и нашей братье молодшей и меншей) и нашимъ внучатомъ, и ихъ детемъ»⁸⁸. И действительно, сын Бориса, великий князь твердской Михаил около 1463 г. подтвердил на прежних условиях союз с преемником Василия II, его сыном Иваном III⁸⁹. Правда, такой тесный блок с Москвой вовсе не гарантировал Твери независимого и безопасного существования – наоборот, прошло всего двадцать лет, и союзник превратился в завоевателя. Однако в середине XV в. вряд ли кто-то догадывался о возможности такого развития событий. В те годы в Твери смотрели на Москву с явной благожелательностью. На это ясно указывает, например, неоднократно цитированное выше «Слово похвальное» Борису Твердскому. В нем Казимир выступает, определенно, как противник Твери, тогда как отношение к Василию II вполне дружественное, он – союзник. По всей видимости, автор произведения, инок Фома отразил в нем не только и не столько свое частное мнение, сколько настроение твердского княжеского двора. И вряд ли оно было сиюминутным, высказанным под влиянием лишь текущей ситуации, – например, той же войны с Великим княжеством Литовским. Отношение правящей верхушки, да и более широких социальных слоев Твердского княжества к этому конкретному событию вполне понятно. Но ведь «Слово» или, точнее, серия этих «слов» была написана в течение довольно продолжительного времени. И остается вопросом, насколько характерными были эти промосковские и антилитовские настроения для твердского общества либо отдельных его слоев в более или менее долгосрочной перспективе? И не менялись ли они с течением времени?

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов и наблюдений, которые касаются как войны, которой посвящена данная работа, так и общей характеристики взаимоотношений Великого княжества Литовского и Твердского княжества. Эти взаимоотношения выглядели гораздо сложнее, чем лишь традиционная дружба и союз. Если и говорить о таком союзе, то надо учитывать, что Тверь де факто была в нем более слабым участником, а иногда даже попадала в прямую зависимость от Вильно. Случалось, что стороны вступали и в вооруженные конфликты. Здесь очень показательным примером является война 1448–1449 гг. Она вспыхнула в сложной и запутанной обстановке, которая сложилась в то время на землях Северо-Восточной Руси. Столкновение имело локальный географический и временной характер, оно не повлекло больших территориальных изменений – дело ограничилось

⁸⁸ ДДГ, с. 189, 192. Слова в скобках читаются только в твердском экземпляре.

⁸⁹ Там же, с. 201–207.

лишь возвращением Твери района Ржевы. Тем не менее, война оказала заметное влияние как на взаимоотношения двух противоборствующих сторон, так и на расстановку сил во всем этом регионе. Так, она подтолкнула Вильно и Тверь к заключению в 1449 г. мирного договора, закрепившего равноправные отношения между ними. Однако другие трактаты, которые в течение последующего времени заключили между собой крупнейшие княжества региона, показали, что в действительности Тверь утрачивала свои позиции, а ее самостоятельная роль в международных делах становилась все более эфемерной. И одновременно обязательства тверских князей, зафиксированные во всех этих договорах, выглядят очень противоречиво. Это говорит либо о непоследовательности тверских государей, либо о том, что третьи стороны просто не учитывали их позицию, когда вели переговоры между собой, – даже когда там напрямую затрагивались тверские интересы. Особенно ярко такое положение дел отразилось в системе взаимоотношений, которые сложились в это время между Тверью, Вильно и Москвой.

Wojna Wielkiego Księstwa Litewskiego z Księstwem Twerskim 1448–1449 Streszczenie

W historiografii stosunki między Wielkim Księstwem Litewskim a jednym z największych księstw północno-wschodniej Rusi – Twerem z reguły uważane są za tradycyjnie przyjazne, a nawet sprzymierzone. Artykuł poświęcony jest wydarzeniu, które podważa ten ugruntowany stereotyp. Powodem rozpoczęcia konfliktu zbrojnego, który wybuchł nagle między dwoma państwami, było zajęcie przez księcia Iwana Bielskiego miasta Rżewy, które wówczas należało do Tweru. Król polski i wielki książę litewski Kazimierz Jagiellończyk został zmuszony do przestąpienia do wojny, wspierając Bielskiego, swojego wasala i kuzyna. Choć walki nie przybrały dużej skali i szybko się zakończyły, sam konflikt miał istotny wpływ na stosunki między obydwoma państwami oraz na sytuację w całym regionie. Wojna zakończyła się w 1449 r. powrotem Rżewy do Księstwa Twerskiego i zawarciem traktatu pokojowego, który ustanowił równe stosunki między Wilnem a Twerem. Artykuł analizuje także rolę Moskwy zarówno podczas wspomnianego konfliktu, jak i w kształtowaniu się nowego systemu stosunków między trzema stronami w połowie XV wieku.

War of the Grand Duchy of Lithuania with the Principality of Tver 1448–1449 Summary

In historiography, the relationship between the Grand Duchy of Lithuania and one of the largest principalities of North-Eastern Rus' – Tver, as a rule, is considered as traditionally friendly and even allied. This article is about an event that challenges this long-established stereotype. The reason for the start of a military conflict that suddenly broke out between the two countries was the capture by Prince Ivan Belsky of the Rzheva Castle, which belonged to Tver at that time. The King of Poland and the Grand Duke of Lithuania, Casimir IV Jagiellon had to enter the war, supporting Belsky, his vassal and cousin. Although the hostilities did not take on a large scale and ended quickly, the conflict itself had a significant impact on relations between the two countries and on the situation in this

region of Eastern Europe as a whole. The war ended in 1449 with the return of Rzheva to the Tver principality and the conclusion of a peace treaty, which established equal relations between Wilno and Tver. The paper also examines the role of Moscow both during the mentioned conflict and in the formation of a new system of relations between the three parties in the mid-fifteenth century.

Война Великого княжества Литовского с Тверским княжеством 1448–1449 гг. Резюме

В историографии взаимоотношения Великого княжества Литовского и одного из крупнейших княжеств Северо-Восточной Руси – Тверского, как правило, рассматривают как традиционно дружеские и даже союзнические. Эта статья посвящена событию, которое ставит под сомнение этот давно сложившийся стереотип. Поводом к началу военного конфликта, который неожиданно вспыхнул между двумя странами, стал захват князем Иваном Бельским города Ржевы, который на тот момент принадлежал Твери. Король польский и великий князь литовский Казимир Ягеллончик был вынужден вступить в войну, поддержав Бельского, – своего вассала и двоюродного брата. Хотя боевые действия не приобрели большого размаха и быстро завершились, сам конфликт оказал значительное влияние на отношения двух стран и на ситуацию в регионе в целом. Война закончилась в 1449 году возвращением Ржевы Тверскому княжеству и заключением мирного договора, который утвердил равноправные отношения между Вильно и Тверью. В работе рассмотрена также роль Москвы как в ходе упомянутого конфликта, так и в формировании новой системы отношений между тремя сторонами в середине XV века.

Библиография

Архивные источники

Archiwum Główne Akt Dawnych, Zbiór dokumentów pergaminowych, sygn. 7363.

Опубликованные источники

- Codex epistolaris saeculi decimi quinti*, т. 1, изд. А. Sokołowski и J. Szujski, Cracoviae 1876.
Daniłowicz I., *Skarbiec dyplomatów*, т. 2, Wilno 1862.
Długossius I., *Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, кн. 11: 1413–1430, Varsaviae 2000.
Długossius I., *Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*, кн. 12: 1445–1461, Cracoviae 2003.
Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej, т. 1, изд. J. Fijałek и W. Semkowicz, Kraków 1948.
Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика, кн. 3, изд. L. Anužytė и A. Baliulis, Vilnius 1998.
Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика, кн. 5, изд. E. Banionis, Vilnius 1993.
Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, т. 10, изд. P. Schwartz, Riga–Moskau 1896.
Wywody szlachectwa w Polsce XIV–XVII w., изд. W. Semkowicz, „Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie” 3, 1911–1912, с. 1–355.

- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, изд. Л.В. Черепнин, Москва–Ленинград 1950.
- Лихачев Н.П., *Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче*, Санкт-Петербург 1908.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, изд. А.Н. Насонов, Москва–Ленинград 1950.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года*, ч. 1, изд. В.И. Гальцов, Москва 1977.
- Полное собрание русских летописей*, т. 4: *О преставлении князя Михаила Тверского*, изд. Я.И. Березников, Санкт-Петербург 1848.
- Полное собрание русских летописей*, т. 4, ч. 1, вып. 2 *Новгородская четвертая летопись*, изд. Ф.И. Покровский, Ленинград 1925.
- Полное собрание русских летописей*, т. 5 *Софийская первая летопись*, Санкт-Петербург 1851.
- Полное собрание русских летописей*, т. 15 *Тверская летопись*, изд. А.Ф. Бычков, Санкт-Петербург 1863.
- Полное собрание русских летописей*, т. 15, изд. 2, вып. 1: *Рогожский летописец*, изд. Н.П. Лихачев, Петроград 1922.
- Полное собрание русских летописей*, т. 18 *Симеоновская летопись*, изд. А.Е. Пресняков, Санкт-Петербург 1913.
- Полное собрание русских летописей*, т. 26 *Вологодско-пермская летопись*, изд. В.И. Буганов, Т.Н. Протасьева и М.Н. Тихомиров, Москва–Ленинград 1959.
- Полное собрание русских летописей*, т. 27 *Никаноровская летопись*, изд. С.М. Каштанов и Н.Н. Улащик, Москва–Ленинград 1962.
- Полное собрание русских летописей*, т. 33 *Холмогорская летопись*, изд. Ю.А. Лимонов, Я.С. Лурье и З.Н. Савельева, Ленинград 1977.

Исследования

- Błaszczak G., *Dzieje stosunków polsko-litewskich*, т. 2, ч. 1: *Od Krewa do Lublina*, Poznań 2007.
- Fałkowski W., *Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiellończyka (1447–1492)*, Warszawa 1992.
- Gąsiorowski A., *Ostroróg Stanisław*, [в:] PSB, т. 24, Wrocław etc. 1979, с. 524–527.
- Jasiński K., *Rodowód Piastów śląskich*, т. 3: *Piastowie opolscy, cieszyńscy i oświęcimscy*, Wrocław 1977.
- Kiryk F., *Jakub z Dębna na tle wewnętrznej i zagranicznej polityki Kazimierza Jagiellończyka*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1967.
- Kolankowski L., *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, т. 1: 1377–1499, Warszawa 1930.
- Koneczny F., *Litwa a Moskwa w latach 1449–1492*, Wilno 1929.
- Korczak L., *Polityka wschodnia Kazimierza Jagiellończyka w latach 1440–1449*, „*Analecta Cracoviensia*” 39, 1987, с. 277–294.
- Łowmiański H., *Polityka Jagiellonów*, Poznań 1999.
- Natanson-Leski J., *Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*, ч. 1: *Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej*, Lwów–Warszawa 1922.
- Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445–1480*, т. 2, Wrocław–Warszawa–Kraków 1965.
- Rutkowska G., *Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka. 1440–1492*, Warszawa 2014.
- Semkowicz W., *O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413*, „*Litvano-Slavica Posnaniensia. Studia historica*” 3, 1989, с. 7–139.
- Skopińska Z., *Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440–1453*, „*Ateneum Wileńskie*” 5, вып. 15, 1928, с. 108–150.

Szybkowski S., *Rycerscy goście z Polski na dworze wielkiego księcia Witolda – próba portretu grupy*, [в:] *Litwa i jej sąsiedzi w relacjach wzajemnych (XIII–XVI w.)*, Olsztyn–Gdańsk 2014, с. 81–105.
Wolff J., *Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895.

Борзаковский В.С., *История Тверского княжества*, Санкт-Петербург 1876.

Горский А.А., *От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в.*, Москва 2010.

Зимин А.А., *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.*, Москва 1991.

Клюк Э., *Княжество Тверское (1247–1485 гг.)*, Тверь 1994.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв., ч. 2, ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и В.Т. Пашуто, Москва 1953.

Полехов С.В., *Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века*, Москва 2015.

Пресняков А.Е., *Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий*, Петроград 1918.

Пятраўскас Р., *Літоўская значь у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада*, изд. 2, Смаленск 2014.

Семенченко Г.В., *Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века*, [в:] *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. Сборник статей, Москва 1997, с. 4–15.

Темушев В.Н., *На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в.*, Тула 2016.

Черепнин Л.В., *Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках*, Москва 1960.

Чернышов А.В., *Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв.*, Тверь 1996.

Шахматов А.А., *Отзыв об издании Н.П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче»*, Санкт-Петербург 1909.

Экземплярский А.В., *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.*, т. 2, Санкт-Петербург 1891.

Янин В.Л., *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков*, Москва 1998.

Василий Алексеевич Воронин – адъюнкт отдела источниковедческих исследований и издательской деятельности Института истории им. Тадеуша Мантойфеля Польской академии наук (с 2022 г.). В круг научных интересов входят внутренняя и внешняя политика, военная история, этноконфессиональные отношения в Великом княжестве Литовском в XIII–XVI вв., белорусско-литовское летописание. Адрес электронной почты: v.varonin@outlook.com

Wasilij Aleksiejewicz Woronin – adiunkt Zakładu Badań Źródłoznawczych i Edytorstwa Instytutu Historii im. Tadeusza Manteuffla PAN (od 2022 r.). Zainteresowania badawcze obejmują politykę wewnętrzną i zagraniczną, historię wojskowości, stosunki narodowościowo-wyznaniowe w Wielkim Księstwie Litewskim w XIII–XVI w., kronikarstwo białorusko-litewskie.
E-mail: v.varonin@outlook.com